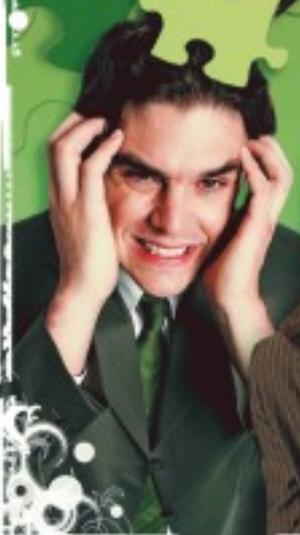
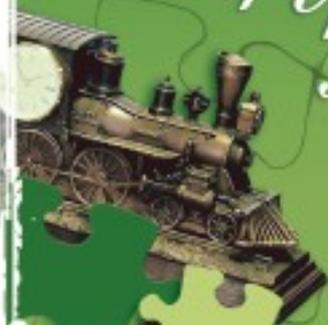

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

*Простите
меня!*

Наталья Нестерова

Простите меня! (Сборник)

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180111
Простите меня!: АСТ, Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-058871-8, 978-5-271-23549-8*

Аннотация

Никому не пожелаешь получить от незнакомой родственницы сообщение: «Здравствуйте, я ваша бабушка, переезжаю к вам насовсем». В семьях Антона и Марины капризная эксцентричная старушка, обожающая нелепые наряды, принялась устанавливать свои порядки. Доведенным до белого каления внукам пришлось искать способы нейтрализации чикчирикнутой бабушки.

Герои Натальи Нестеровой живут с азартом – выходят замуж по любви (даже когда по расчету), попадают раз за разом в смешные ситуации, запускают фейерверки страстей и не склонны к унынию. А финал у историй Натальи Нестеровой обязательно будет справедливым и... неожиданным!

Содержание

Простите меня!	4
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталья Нестерова

Простите меня!

Внуки теплых чувств к бабушке не питали. В детстве она не забирала их на каникулы, не приезжала в гости, не слала гостинцы и подарки, словом, никак не участвовала в воспитании. Логично, что, повзрослев, внуки платили той же монетой – забвением. Двоюродные брат и сестра, Марина и Антон, не видели бабушку ни разу, только знали о ее существовании. Родители Марины и Антона, соответственно бабушкины дочь и сын, умерли трагически рано, бабушка своих детей пережила. Еще бы! Она себя берегла. Бывшая прима областного оперного театра, она и на пенсии сохранила замашки капризной избранницы судьбы. Пока могла себя обслуживать (скорее – находились те, кто ее обслуживал), сидела в своей провинции, не вспоминая о внуках и правнуках. И вот заявила в Москву. Здравствуйте, я ваша бабушка, подвиньтесь и будьте любезны ухаживать за мной!

У Марины и Антона ситуации схожие: квартиры небольшие, купленные в кредит, дети маленькие – у Марины дочери два года, сыну Антона девять месяцев. В обеих семьях отцы работают с утра до вечера, мамы сидят с малышами. Каждая копейка на счету, каждая минута сна – подарок. Им не хватало многого, но только не совершенно чужой, хоть и родной по крови, бабушки.

Вначале бабушка поселилась у Марины. Согласия не спрашивала. Поставила перед фактом, позвонив по телефону.

– Еду к тебе провести остаток жизни.

– В каком смысле «еду»? – опешила Марина.

– В смысле – поездом. Встречайте. Кажется, поезд приходит утром. Меня проводят.

Вагон пятый. До встречи.

Марина положила трубку, повернулась к мужу и, вытаращив испуганно глаза, промямлила:

– К нам едет бабушка. Вагон пятый. Жить.

– Чего-чего? – не понял Андрей, муж.

– У меня есть бабушка... биологическая, я тебе рассказывала...

– Не помню.

– Да я сама о ней тысячу лет не вспоминала. На похороны мамы не приехала. «Мне вредны отрицательные эмоции», – передразнила Марина, вспомнив свой давний разговор с бабушкой. – И с рождением правнучки не поздравила...

– А теперь? – поторопил Андрей.

– Теперь она, кажется, собирается у нас умирать, в смысле: жить до смерти.

– Нам только умирающей бабушки недоставало!

Они повздорили. И получилось, что Марина, сама в панике, вынуждена была доказывать мужу, что есть моральные ценности, которые не обсуждаются. Марина расплакалась, не столько из-за черствости мужа, сколько от предчувствия, что их жизнь превратится в форменный кошмар.

Андрей сдался, поднял руки. Сказал:

– Ладно, пусть бабушка поселяется. Поближе к воде, то есть к водопроводному крану. Все равно, кроме как на кухне, разместить негде. Не на балконе же устраивать. Там она быстро околет. Что, впрочем, было бы неплохо.

И на протестующий рык Марины примирительно оправдался:

– Шучу, прости! Кто у нас, говоришь, бабушка? Меццо-сопрано на пенсии? Будет правнучке колыбельные исполнять, а мы сможем хоть иногда вечерами вырываться из дома.

Но Андрей глубоко заблуждался, рассчитывая, что Маринина бабушка станет нянькой.

Встречали ее больше трех часов. Андрей отпросился с работы. Три поезда из бабушкиного города приходили в девять, десять тридцать и одиннадцать сорок. Два выхода на перроны были ложными. Вокзальная обстановка нервировала. Суматошные люди с чемоданами и баулами, алчные навязчивые таксисты, толкотня, дурные запахи, мусор, пустые бутылки от пива на каждом шагу, обилие пьяных и подозрительных личностей – московские вокзалы, как их ни отмывай, все равно остаются филиалами клоаки.

Андрей звонил на работу и говорил, что задерживается. Марина звонила соседке, которая присматривала за дочерью, и уговаривала посидеть еще часок. Андрей терпеть не мог расхлябанных, необязательных людей, которые пожирают чужое время.

Что стоило бабушке заглянуть в билет на номер поезда? Ничего не стоило. И не пришлось бы им киснуть на вокзале, когда дел неуворот. Он выговаривал жене, словно та несла ответственность за легкомыслие бабушки. Марина молча слушала упреки и вспоминала слова мамы: «Родителей не выбирают. Твоя бабушка – натура неординарная. Нам еще повезло, что живем далеко друг от друга». Везению пришел конец?

Бабушка приехала в одиннадцать сорок. Марина ее мгновенно узнала, хотя никогда не видела. Из воспоминаний детства: мама и дядя шепотом злословят, называют бабушку вечно загримированной актрисой. Она так и не разгримировалась, напротив – поверх старой краски наслаивала новую. На перрон вышла дряхлая королева в наряде и макияже куртизанки.

«О боже! – мысленно ужаснулась Марина. – У нее ресницы приклеенные».

Над искусственно большими, в комочках туши, ресницами синели тени. Толстый слой пудры покрывал лицо, проваливался в глубокие морщины, делая их еще заметнее и наводя на мысль о бороздах, процарапанных острым предметом, вроде шила. Румяна на щеках клоунски пунцовели. Дешевая жирная помада растеклась, уплыла в морщинки над губой, и поэтому казалось, что бабушка недавно пила кровь. Редкие седые волосы не закрывали голову, которую венчал шиньон в виде большого засушенного инжира – такой же кривой и сухой. Цвет шиньона на три тона отличался от своих волос, сквозь которые просвечивал череп.

На бабушке был ядовито-розовый костюм, с рюшами на груди, на талии и по подолу юбки. В ушах болтались крупные серьги, оттянувшие мочки, как у дикой африканки. Пальцы унизаны перстнями самоварного, позеленевшего от времени золота, с «камнями» величиной с грецкий орех.

Проходящие мимо люди, торопившиеся, занятые своими мыслями, по-вокзальному светлые, на бабушку оглядывались. Было на что смотреть.

Бабушка подставила внучке щеку для поцелуя. В нос Марине ударил крепкий запах томных духов.

– Бабушка, это мой муж Андрей.

Оглядев Андрея с ног до головы, бабушка изрекла:

– Примерно так я себе и представляла.

Андрей не понял, комплимента удостоился или оскорбление заработал. Его первой реакцией при виде чик-чирикнутой старушки в розовом была широкая ухмылка. А потом оказалось, что это и есть Маринкина бабушка. Быстро сменить выражение лица с насмешливого на почтительное получилось не сразу.

Бабушка распоряжалась:

– Вынеси мои вещи из вагона.

И спрашивала:

– А где носильщики?

– Я сам, – суетливо дернулся Андрей. – Какое место, купе?

Пока они ждали прибытия бабушки, насмотрелись на услуги носильщиков. Те брали по сто пятьдесят рублей за место, будь то хоть сундук, хоть легкая авоська. Но и этот тариф кончался на незримой границе вокзала. А за границей – двойная плата. Марина и Андрей наблюдали несколько сцен, когда носильщик, провезя багаж лишние пятьдесят метров до автомобиля, вынуждал людей платить несусветные деньги, грозил милицией и тыкал пальцем в табличку на своей тележке, где двойной тариф обозначался мелко-меленько.

Пока Андрей сновал из вагона на перрон, бабушка упрекнула Марину:

– Не догадалась с цветами встретить?

– Извини! – смутилась Марина.

С бабушкой прибыло столько вещей, что и одним носильщиком было немислимо обойтись. Бабушка ехала одна, остальное пространство купе занимали ее чемоданы, коробки и сумки. Они перетекли на тележки носильщиков и возвышались корявыми пирамидами.

«В одно такси не поместимся, – переглянулись Марина и Андрей, – и в два вряд ли. Влетит нам в копеечку».

Они планировали, что Андрей отойдет от вокзала и поймает машину. Марина с бабушкой подождут. Потому что вокзальные таксисты ломали цены запредельные. До места, к которому красная цена четыреста рублей, таксисты требовали две тысячи и с неохотой на полторы соглашались. Но поймать три машины и подогнать их к вокзалу было нереально.

Поняв безвыходность Марины и Андрея, стоящих у груды багажа, таксисты ни в какую не соглашались снижать плату.

– Что за вульгарные торги, – хмыкнула бабушка-аристократка.

«Может, ты сама и выложишь девять тысяч рублей за доставку своего барахла? И заодно оплатишь носильщика», – подумала Марина. Но вслух ничего не сказала. Лихорадочно соображая, как в их маленькой квартире разместить бабушкины вещи. Если их просто внести и поставить, не останется места для передвижения.

Ехали на трех машинах. Потом Андрей сбегал домой за деньгами, чтобы расплатиться с таксистами, таскал вещи наверх. Как и ожидала Марина, в квартире стало не повернуться.

Андрей уехал на работу, потный и злой.

– Бабушка, это твоя правнучка, – представила Марина дочь, испуганную вторжением чемоданов и коробок.

– Здравствуй, девочка! – ущипнула бабушка ребенка за щеку, не подумав спросить об имени. – Так! Никаких «бабушек» и тем более «прабабушек». Зовите меня Эмилия. Ясно? Девочка, повтори: Эмилия.

– Миля, – повторила малышка.

– Тесно у тебя, – скривилась бабушка Эмилия.

– Что имеем, – огрызнулась Марина.

Она-то считала, что покупка однокомнатной квартиры в Москве, да не на окраине, – свидетельство их с Андреем благополучия.

– Где я буду жить? В комнате?

– Нет, извини. Спать ты будешь на кухне.

– Что? Как прислуга? Кухарка?

– Бабушка, то есть Эмилия, – старалась держать себя в руках Марина, – в комнате ребенок, который просыпается по ночам, да и мы с Димой.

«Скажи спасибо, что тебе кухню выделили», – хотелось добавить Марине. Но она промолчала. И в последующие дни у нее выработалась привычка думать одно, говорить – другое.

– Кроме кухни, могу предложить только ванную или балкон.

Эмилия мгновенно учуяла зреющий бунт внучки. Ткнула корявым старческим пальцем с вызывающе красным маникюром Марине в грудь:

– Не груби! Я этого не люблю. Еще будешь благодарна, что я у тебя остановилась.

– Бабу... Эмилия, душ примешь после дороги (смоешь свой жуткий макияж) или завтракать? – спросила Марина.

– Чашку хорошего кофе и сигарету, – распорядилась старушка.

В течение рабочего дня злость Андрея перегорела. На кого злиться? На Маринку, которая пожертвовала карьерой ради их ребенка? Два с лишним года назад Марина работала с ним на одной фирме, и перспективы роста у Маринки были куда лучше, чем у Андрея. Сейчас ловит каждое слово, когда он рассказывает о производственных делах. Старается скрыть, но заметно – переживает, скучает. И при этом держится молодцом, вьет их семейное гнездышко. Да и мать она замечательная. Теперь же на Маринку свалились новые проблемы в виде бабушки, которая явно с норовом. Актриса, ёшкин корень, а выглядит как старая шлюха.

Андрей купил по дороге домой торт. Вошел в квартиру, протиснулся между коробок и оптимистично воскликнул:

– Как тут мои женщины? Что наша бабуля?

Она выплыла в коридор. По-прежнему в боевой раскраске, одета в яркое шелковое кимоно.

– Андрей! Я вас решительно попрошу при мне не выражаться!

И уплыла на кухню.

– Что я такого сказал? – удивленно повернулся Андрей к жене.

– Ее нельзя величать ни «бабушка», ни «бабуля», остальные однокоренные слова также не приветствуются. Только по имени – Эмилия, без отчества, – устало ответила Марина.

Андрей видел, что жена на грани истерики, что слезы у нее стоят близко. Маринка, умница, стойкий солдатик, пасовала перед грубостью и нахальством. Не могла отвязаться от настырных нищих или цыганок на улице, терялась, когда ей хамили в магазине. Андрею эти слабости казались достоинством, проявлением истинной женственности.

Он обнял жену:

– Маринкин! Держись, воробей! Мы ведь вместе. Прорвемся. Что нам одна вздорная старуха? – Последние слова он произнес шепотом.

– Ты не представляешь, ты не представляешь, – быстро и так же тихо заговорила Марина. – Она все требует делать по-своему, каждую минуту меня шпыняет, она, она...

– Тихо, тихо! – гладил Андрей жену по спине. – Хочешь, я с ней поговорю и поставлю на место? В том смысле, что, коль приняли вас, извольте подчиняться нашим правилам?

– Не знаю, – задумчиво сказала Марина и с надеждой посмотрела на мужа.

– Решено, сейчас я ей покажу, где раки зимуют. Что конкретно требовать?

Конкретно Марина не могла сказать, потому что все в бабушке, в словах ее и поступках, противоречило нормальным семейным отношениям. К природному эгоизму Эмилии, жившей с единственной установкой баловать и тешить себя любимую, теперь примешивалось старческое слабоумие, вздорность, капризы и нетерпение к чужому мнению.

Из «конкретного» Диме и Марине удались только два пункта. Первый – курить не в квартире, а на лестничной площадке. Второй – бабушка будет питаться вместе с ними, за общим столом.

А поначалу она заявила:

– Желудок у меня деликатный, диета строгая. Домашний творог, сливки, сметана и парное мясо с рынка, овощи и фрукты, обожаю киви, манго и ананасы.

Андрей, которого перепалка по первому пункту – курению – уже вывела из себя, с трудом сохранял спокойствие. Эта старая мымра посмела заявить, что если она шестьдесят лет курит, то и маленькому ребенку дым не повредит! Вот уж нет! Извините! Травитесь никотином сколько хотите, но моя дочь вдыхать его не будет! Он стукнул кулаком по столу и так посмотрел на Эмилию, что та заткнулась.

Перешли ко второму пункту. Тут бабуля и выдала про особое питание.

– Замечательно! – сказал Андрей. – Конечно, если у вас есть возможность питаться рыночными продуктами, никто не возражает. Рынок от нас в четырех троллейбусных остановках. Деньги у вас наверняка имеются, квартиру ведь продали? Покупайте, готовьте что хотите. Мы на ваши харчи не претендуем. Марина, выдели бабушке... пардон, Эмилиии полку в холодильнике.

У Эмилиии забегали глаза. Она несколько растерялась, что было для нее, очевидно, непривычно, поэтому выглядела жалко – как клоун на манеже, которого освистала публика. Но бабушка быстро взяла себя в руки (актерская выучка) и нацепила маску разорившейся аристократки.

– Да, я продала квартиру, – сказала она. – Но у меня были финансовые обязательства.

– Долги? – уточнил Андрей. – Вы заплатили долги?

– В противном случае угрожали не выпустить меня из города или вовсе прикончить.

Бабушка смотрела на них с гордостью, как человек, ждущий восхваления после совершенного подвига.

Восхищения не последовало.

– О-ля-ля! – присвистнул Андрей. – Так вы, Эмилия, банкрот?

Далее случилась сцена, которая неопытных Андрея и Марину, не видавших прежде показных умираний, а только переживших истинные смерти родителей, привела в шок. Да если бы у них и мелькнула мысль, что наблюдают игру в предсмертную агонию, то они тут же одернули бы себя: игра легко может перейти в реальную трагедию.

Эмилия схватилась за грудь:

– Воздуха! Воздуха! Сердце! Мое сердце останавливается... Господи, прости моих мучителей...

Она сползла на пол, корчилась, задыхалась, дрыгала руками и ногами. Кимоно распалось, и стали видны панталоны, старенькие, с дырками...

Это старушечье бельё в прорехах подействовало на ребят особенно сильно. Бедняга! Силится выглядеть пристойно и благородно (по своему понятию), а в исподнем дырка дырку погоняет. Они суетились, поднимали бабушку, устраивали на кухонный диван, вливали вальерьянку, искали телефон, чтобы вызвать «скорую», но трубка куда-то подевалась.

Марина держала на коленях голову бабушки и плакала:

– Пожалуйста! Не умирай! Нет у нас денег с рынка питаться, в долгах по уши, кредиты выплачиваем, только дочери фрукты покупаем. И тебе будем... бабушка... не умирай!

Андрей чувствовал себя палачом, который ошибочно принял казнить невиновного, а потом вдруг пришло помилование. Он гаркнул на дочь: «Ты опять с телефоном играла?!» Не обращая внимания на плач малышки, стал высыпать лекарства из аптечки:

– Нитроглицерин? Кажется, нитроглицерин нужен?

– У нас нет, – испуганно сказала Марина.

Андрей бросил лекарства, сообразил, что «скорую» можно вызвать по сотовому телефону...

– Девушка! Срочно! Умирает женщина...

В этот момент бабушка открыла глаза и произнесла слабым голосом:

– Оставьте! Врачей не нужно.

– Тебе легче, легче? – твердила Марина.

– Отпустило? – забыл про телефон Андрей. – Вы в порядке?

Эмилия поднималась медленно, постанывая, закатывая глаза. Воплощение мужественной женщины, которая перелаживает боль, чтобы не травмировать окружающих.

– Воды? Чаю? Где твои лекарства? – быстро спрашивала Марина.

– Душно? Форточку открыть? Грелку? – перебивал Андрей жену.

Эмилия села, запахла полы кимоно, скрылось ее дырявое исподнее, провела устало по лбу пальцами, вздохнула и с рокочущими, томными перекатами голоса протянула руку Андрею:

– Сигарету!

Как ни был испуг Андрея силен, он сообразил, что бабушка пытается нарушить пункт первый их договоренности – не курить в квартире.

– Конечно, всенепременно! – Андрей взял бабушку на руки и понес к выходу из квартиры. – Марина, тащи сигареты и зажигалку, – бросил он жене.

Курить на лестничной площадке, устроенной точно ребенок на руках у внучатого зятя, Эмилии удовольствия не доставило. Она чувствовала сценическую фальшь и понимала нелепость положения. Не только Станиславский, а любой мало-мальски образованный режиссер воскликнул бы: «Не верю!»

– Ах, это у меня машинальное, – сказала бабушка после трех глубоких затяжек. – Какие сигареты, когда едва не отправилась на тот свет! Вы не отправили, – уточнила она. – Отнесите меня в дом. Дайте коньяка рюмку. Коньяк хорошо действует на мои сосуды.

Через месяц Марина позвонила двоюродному брату:

– Антоша! Я больше не могу, по мне клиника неврозов плачет. Заберите бабушку.

– Куда мы ее заберем? Ты же знаешь наши условия. На шею себе посадим?

«Но у нас-то она сидит на шее, – подумала Марина, – внедрилась в печенки, в селезенки. Начался некроз моей семьи».

– Я вас умоляю! – заплакала Марина. – Умоляю, Антоша! Хоть на время.

– Что, так плохо?

– Ужасно. Эмилия превратила меня в тряпку, Андрей вечно зол, едва сдерживается, то есть уже не сдерживается и срывается, достается не только бабушке, с нее как с гуся вода, но мне с дочкой.

– Мою жену Ленку так просто в бараний рог не скрутить.

– Ты согласен? – обрадовалась Марина. – Спасибо, спасибо, спасибо! Забирайте бабушкино наследство себе.

– Какое наследство?

– Шкатулку. Антон, можно мы завтра бабушку перевезем?

Что находилось в большой старинной шкатулке, Марина и Андрей не знали. Эмилия держала шкатулку на замке и время от времени устраивала спектакли. Выйдет со шкатулкой в руках, станет в позу трагической актрисы и произносит неестественно пафосным голосом:

– Здесь огромное богатство. Вы, ваши дети и внуки будут обеспечены на всю жизнь. Неблагодарные, вы озолотитесь после моей смерти. С того света, – бабушка закатывала глаза к потолку, – я увижу ваши мучения, на вас падет раскаяние за каждый упрек, за все мои страдания!

– Bravo! – хлопает в ладоши Андрей. – Концерт окончен? Теперь пресса хочет взять интервью у великой актрисы. Кто вас упрекает? Какие такие мучения? Вы, Эмилия, нам в копеечку влетаете. Может, отщипнем от наследства?

– Нет, только после моей кончины.

– Вы нас всех переживете.

– Андрей, прекрати! – не выдерживает Марина.

Наедине они не раз обсуждали вероятное содержимое шкатулки. Марине казалось, что там груда драгоценных камней, как в сказке, в кино про сокровища. Она представляла захватывающий момент: открывают шкатулку, и всеми цветами радуги вспыхивают бриллианты, оттеняя благородство старинных изумрудов и рубинов.

– Какие сокровища? – возразил Андрей. – Если бы у нее были драгоценности, она не приперлась бы сюда, не спала на кухне. – Но и у него оставалась детская надежда на сказочное богатство. – Давай тихо вскроем шкатулку? – предлагал он.

– Что ты! – пугалась Марина. – Это неблагоприятно.

– Конечно. Зато очень благородно утром ждать по часу, пока твоя бабушка освободит туалет.

– Андрей, она старый человек...

– Вот пусть и опорожняет кишечник, когда я уйду на работу.

Если в семье Марины бабушка устроила тихий террор, то у Антона громкие скандалы следовали один за другим. Лена орать на бабушку начала едва ли не в первый же день. Но Эмилия ничуть не тушевлась. Напротив, взбодрилась. Буйный нрав Лены ее не пугал, даже, казалось, шекотал нервы.

– Твоя жена, – сказала она вечером Антону, – вульгарная пошлая базарная торговка.

– От пыльной актриски погорелого театра слышу, – не осталась в долгу Лена.

– Не нравится, бабуля, – поддержал супругу Антон, упорно не признающий «Эмилии», – катись на все четыре стороны.

У Марины, пока та гуляла с ребенком, бабушка могла оставить записку: «Я в парикмахерской. Приди расплатись». Марина мчалась в салон, где бабушке сделали педикюр, маникюр, покрасили, постригли, уложили дурацкий шиньон – все по высшей ставке, и расплачивалась. Эмилия запускала руки в семейные деньги. Ничтоже сумняшеся брала их из ящика стола, шла и покупала себе коньяк, сигареты, самые дорогие шоколадные конфеты. Марина, без упреков, переложила деньги, спрятала в книгах.

С Леной у бабушки трюк с парикмахерской не прошел. Эмилия, кроме обычного набора сделавшая массаж и принявшая дозу ультрафиолета в солярии, торчала в салоне до позднего вечера. На звонки с требованием оплатить услуги Лена отвечала:

– Разбежалась! Бабуля, живите по своим средствам, а не по нашим.

Директорша салона грозила милицией, но потом все-таки отпустила старушку, взяв себе за правило с пожилых маразматичек брать деньги вперед.

Как-то утром Антон оставил на кухонном столе деньги для Лены. Эмилия отщипнула из стопочки и отправилась покупать лакомства, сигареты и коньяк. Вернувшуюся бабушку Лена только не побила. Орала так, что слышали соседи, обзывала Эмилию старой воровкой, прожженной бандершей и народной артисткой.

Лена была добрым человеком, мчавшимся на помощь по первому зову. Но выросла в темпераментной семье, где нормой общения был крик и ор, где никто не держал камня за пазухой и все говорили в лицо, что думают. А думали вслух и на повышенных нотах. Марина не сразу раскусила Лену, которая поначалу шокировала своими манерами. А бабуля с ходу поняла, что Ленины истерики – дым без огня. Эмилия то ли встречала за долгую жизнь подобных людей – рычащих львов с нежным сердцем, то ли каменную ее самолюбивость уже не могли пробить никакие атаки.

Выступления со шкатулкой продолжились и в семье Антона. Но здесь публика была еще неблагодарнее.

– Бабуля, колись, – требовал Антон, – чего там припрятала? Инфляция наступает.

– Шкатулочку-то откройте, – вторила Лена. – Хоть бы на питание вносила в общую казну, даже пенсию зажилила.

– Грубые пошлые люди! – вскидывала голову освищенная актриса. – Гегемон!

И удалялась поступью Марии Стюард, не уронившей достоинства перед жестоким судом.

Чтобы получать в Москве пенсию, бабушку требовалось прописать. А этого ни внук, ни внучка решительно не хотели. По словам Эмилии, ее пенсию получал верный поклонник. Настолько верный, что за три месяца не прислал ни одного денежного перевода.

Тема поклонников была главной в речах бабушки. Она никогда не вспоминала о муже и двух детях, которых родила от него. Даже про сценическую деятельность не заикалась. Но поклонники! Имя им было легион. Каких безумств они только не творили, сходили с ума, даже травились и стрелялись.

Антон ловил Эмилию на повторах:

– Минутку, бабуля! Директор фабрики прислал тебе грузовик цветов и застрелился? Но генерал армии, про которого ты раньше рассказывала, тоже покончил с собой, предвзвительно засыпав твою дверь цветами. Разве в вашем городе имелось цветочное хозяйство, чтобы грузовиками разбрасываться? И сколько же ты руководящих кадров погубила?

Пуританку Марину байки о поклонниках коробили, ведь «поклонник» равно – «любownik». Хотя Марина и понимала, что все это – игры старческого слабоумия у дамы с большими претензиями, из памяти которой уплыли факты и события, остались только фантазии на любимую тему. Лена относилась к бабушкиным легендам проще: чудит старуха, врет-завирается.

Лену и Антона, также как Марину и Андрея, волновало содержимое заветной шкатулки. Лена не видела ничего предосудительного в том, чтобы познакомиться с наследством раньше времени. Во-первых, все равно им достанется. Во-вторых, это не по-людски – ждать смерти человека, чтобы разбогатеть.

– Мы же не только для себя, – уговаривала она мужа, – с Маринкой поделимся.

Эмилия застала их, когда они пытались вскрыть шкатулку, ковыряли отверткой в замке.

– Низкие люди! – заверещала бабуля, даже забыв встать в театральную позу. – И вы меня называли воровкой? Руки прочь! Отдайте шкатулку, грабители!

– Да, пожалуйста, – слегка смутился Антон и протянул бабушке ее сокровище. – Любопытство не порок, а маленькая слабость.

– Мы бы все на месте оставили, – вторила Лена.

Эмилия, прижав шкатулку к груди, вспомнила о сценическом искусстве:

– Сначала убейте меня, если хотите завладеть наследством. Ну? Убивайте!

– Поживи еще, – разрешил Антон.

– Хотите, я вам тушь для ресниц свою подарю? – предложила Лена. – А то вашей, наверное, сто лет в обед.

– Не нуждаюсь в подачках пошлых мещан!

– Ой-ой-ой! – издевательски пропела Лена. – А кто втихую моими духами душится, лаком для ногтей пользуется и румяна изводит? Вы хоть спросите, мне не жалко. Нет, подворовывает и еще из себя честную строит. Видали мы таких аристократок – гонору через край, а трусы раз в неделю стирает.

Бабушка жила у Антона третий месяц, за что Марина не уставала благодарить Лену в телефонных разговорах.

– Ладно тебе, – отмахивалась Лена, – я же понимаю, что эта народная актриса вас до развода могла довести.

Как ни грустно, но похоже на правду. Марина, кстати, за три месяца не разговаривала с самой Эмилией ни разу – боялась, что та потребует возвращения. Страшным было не столько поведение бабушки, сколько провоцируемое ухудшение отношений Марины и Андрея. В каждой семье имеются подводные камни недопонимания, раздражения, претензий, причин

для ссор, взаимных упреков. Но камни преткновения в нормальной бытовой обстановке глубоко скрыты, их не видно, когда царят мир, взаимопонимание и любовь, пусть подвывая, но все-таки живая. Эмилия за месяц постоа в Марининой семье умудрилась спровоцировать столько взаимных обид-упреков между мужем и женой, сколько у них не было за четыре года брака.

К счастью, сплавив бабушку, они постепенно возвращались к прежним отношениям любви-дружбы.

Андрей называл это «эффектом блохи»:

– Опутан человек проблемами: на работе завал, денег не хватает, а тут у него еще и блохи завелись. Вывел блох, на службе те же трудности, денег больше не стало, но человек радостен и доволен.

– Ты видел когда-нибудь, – смеялась Марина, – живых блох? Я – только на картинке.

– Ошибаешься. Жила тут одна блоха в макияже, кровь нашу пила.

В семье Лены и Антона бабуля сыграть подобную отрицательную роль не могла, потому что внук и его жена были проще, толстокожее, хотя и шумные, но легко отходчивые. Если для Марины бабушка превратилась в адвоката дьявола, то для Лены стала чем-то вроде домашнего клоуна, о котором рассказывали анекдоты.

– Девочки, – говорила Лена подругам, – приходите посмотреть на это чудо природы, животы от смеха надорвете.

Эмилия, которую приглашали попить чай в женской компании, выходила на сцену (на кухню) эффектно. Застывала в проеме двери, чтобы все смогли оценить ее «благородный» вид: грубо раскрашенное лицо и несусветный наряд. С головой у Эмилии становилось все хуже и хуже: забыла снять ветхое кимоно, но набросила битую молью черно-бурую лису, которая бегала по лесам еще до революции. На одном плече у Эмилии красовался драный хвост, на другом – безглазая лисья мордочка. Умора! А когда Лена завела разговор о поклонниках, и Эмилия ударилась в бредовые воспоминания, удержать смех вообще было невозможно.

Лене не приходило на ум, что смеяться над старостью жестоко. И озвучь кто-нибудь этот упрек, Лена нашлась бы:

– Пряма-таки жестоко! Я за ней горшки выношу, не рассыплется, если мы немного повеселимся. Все равно не понимает, у бабули давно в мозгах ветер свистит.

Но и выносливая Лена запросила отдыха. Время на домашние дела сократилось: маленький сынишка начал ходить, и требовался глаз да глаз, чуть отвлечешься – он уже в розетки шпильки толкает. Шпильки, понятно, прабабка раскидывает по квартире, они у нее из шиньона сыплются. Кроме того, старая вредина тайком курит в туалете и лопает детский творожок, хотя рядом на полке холодильника стоит творожная масса с черносливом, по ее же требованию купленная. Антон приходил с работы и с порога выслушивал длинный перечень бабушкиных пакостей. Лене не смущало, что Эмилия слышит «отчет» о своих прегрешениях. Антону до черта надоело успокаивать жену и призывать бабку вести себя по-человечески.

Решение нашли гениальное, благо наступало лето: снять для бабули дачу. О ближайшем Подмосковье речи не было, финансы не позволяли. Кинули клич среди знакомых, и нашелся домик в ста тридцати километрах от столицы. Пожилая вдова-селянка согласилась сдать комнату за умеренную плату. Боялись, что Эмилия заартачится, но, исполнив номер: «так и быть, уступаю вашей воле», – та смиростивилась. Лена слышала, как бабуля говорила по телефону своим приятельницам: «Лето я проведу на даче у одного поклонника». Ну не свихнувшаяся ли обманщица? Поклонником была Катерина Ивановна, баба Катя, которой под семьдесят.

С квартиры на квартиру Эмилия переезжала со всем скарбом и тут потребовала, чтобы ее барахло на дачу отправилось вместе с ней. С одной стороны, Лена только рада была очистить квартиру от приданого народной артистки. С другой стороны – лишние траты, пришлось «Газель» нанимать. Еще благо, что хозяйка дачи не потребовала плату за все лето вперед.

Перевозили Эмилию на дачу Андрей и Антон.

Катерина Ивановна, баба Катя, «поклонник» и спаситель Эмилиных внуков, оробела, когда в ее двор въехал маленький грузовичок. Это сколько же вещей у постоялицы? А потом вышла и чудо-дачница – накрашенная, голова причесана как в шестидесятые годы (Катя сама в то время разорилась на шиньон, который в ночь перед праздником или перед гостями на бигуди накручивала, чтобы утром на макушку пришпилить). Когда было-то? А женщины с шиньонами, выходит, остались до сих пор. Одета жиличка не по-деревенски, да и по-городскому в парадное: чудной красоты розовый костюм с рюшами. Было от чего бабе Кате оробеть.

– Милости прошу! – с хрипотцой проговорила она. – Меня Катя зовут. То есть баба Катя. А вас как, извините?

– Эмилия.

– Эмма? – переспросила баба Катя, все еще борясь с волнением.

Ведь говорили-то, что старую, но саму себя обслуживающую женщину на лето привезут. А здесь – прям дворянка. В мои скромные условия?

– Юноши, поясните этой женщине, кто я есть и как меня зовут, – небрежно махнула Эмилия рукой в сторону Андрея и Антона.

И отправилась осматривать дом, бедненький, но чистенький. Удобства на улице – деревянная будка, в полу дырка.

– Она артистка в прошлом, – говорил Антон бабе Кате. – Поэтому, – покрутил ладонью перед лицом, – макияж и другие прибабасы. Но в принципе...

– Не вредная... как бы, – подхватил Андрей. – Со своими заморочками... странно-стями... но не тяжелыми!

Оба: и Антон, и Андрей – боялись, что хозяйка дачи после первого акта – выхода Эмилии – покажет им фигу и потребует убраться восвояси. (На месте бабы Кати они бы так и поступили.) Но милая Катерина Ивановна только сокрушалась, подойдут ли скромные условия такой важной артистке?

– Подойдут!! – хором заверяли Андрей и Антон.

Они носили вещи и ждали водопада претензий, теперь уже от бабушки. Но прозвучало только одно требование:

– Мне нужен биотуалет.

– Ага, бабуля, – ухмыльнулся Антон, – как же, имеется. Ленка предусмотрела.

И принес из машины пластиковое ведро в форме унитаза, с крышкой.

– Вот тебе и туалет, а бионаполнение – сама-сама. Пись-пись-пись, как-как-как, – повторил он интонацию жены, приучавшей сына к горшку.

– Вульгарный плебей!

– Твой родной внук, – напомнил Антон. – Ты меня воспитывала? Вот и молчи в тряпочку. Сиди тут тихо, радуйся природе. Не уживешься с бабой Катей, пеняй на себя, отвезем в богадельню. Интернат для ветеранов сцены тебе не светит. Нам материально не осилить, а ты заслугами не потянула.

У Андрея тоже имелся подарок для Эмилии – сотовый телефон (старенький, завалившийся), в памяти которого были номера Марины, Лены и его с Антоном. Объясняя аристократке Эмилии и колхознице бабе Кате, как сделать вызов, Андрей видел на их лицах совершенно одинаковую тупую беспомощность. Ничего, надо будет – дозвонятся.

На обратном пути мужчины обсуждали: превратит Эмилия бабу Катю в прислугу или пенсионерки схлестнутся не на жизнь, а на смерть.

Против ожиданий, Эмилия не беспокоила их почти месяц. О ее существовании почти забыли, своих забот хватало. Эмилия была помехой, к устранению помехи легко привыкаешь. Антон купил подержанную иномарку – второй кредит на шею. Но авто – давняя его мечта. Лена, бухгалтер по профессии, стала брать на дом балансы мелких фирм, корпя по ночам. Андрея повысили в должности. Если раньше он нет-нет да и заявится на фирму в джинсах и майке, то теперь каждый день – свежая белая рубашка, галстук, костюм. Правильный галстук стоил больше двух тысяч рублей, о костюме и говорить нечего. Марина, тщательно обдумывая каждый шаг, каждое слово, рыла подкоп под свекровь, чтобы та ушла с работы, только на год, до садика для внучки. А Марина выйдет на работу, поддержит Андрея и компенсирует из своей зарплаты материальные потери свекрови. Обещание «компенсировать» – исключительно точный и стратегически верный ход. Свекровь возмутилась – с родных детей плату брать? И подозрение в корысти на три четверти подвинуло свекровь к цели Марины.

Словом, обе семьи вращались на своих орбитах, комета-Эмилия летала далеко и была им абсолютно безразлична.

Она объявилась в конце июня.

– Здравствуйте, – пропищал взволнованный детский голос. – Это Марина? Тетя Марина?

– Да, кто говорит?

– Таня, вы меня не знаете. Меня бабу... ой, просто Эмилия попросила номер набрать. Я тут на каникулах у своей бабушки, через два дома от бабы Кати.

– погоди, девочка, не волнуйся! С Эмилией все в порядке? Она жива?

Марина вдруг отчетливо поняла, что очень давно не интересовалась бабулей, вдруг та представилась.

– Она рядом стоит. Я передаю трубку.

– Марина? Это Эмилия.

– Рада тебя слышать. Как самочувствие?

– Удовлетворительное. Через две недели мой день рождения.

– Правда? Сколько тебе исполнится?

– Что за пошлый вопрос! Я хочу, чтобы вы приехали. В этот день всегда собираются мои почитатели и поклонники.

«Оставшиеся в живых? – чуть не вырвалось у Марины. – И назвать нас почитателями, тем более поклонниками, слишком смело».

Вслух она сказала:

– Не обещаю, но постараемся.

– Ты не поняла, голубушка. Вы обязаны приехать!

– Так уж обязаны?

– Иначе я лишу вас наследства.

– Шкатулки с драгоценностями?

– Это больше, чем всякие драгоценности.

– Мы сделаем все возможное, чтобы вырваться, – примирительно сказала Марина. – Впереди две недели, успеем разгрести дела. Но хотим поздравить тебя не в расчете на наследство, а просто потому... – Марина замялась, понимая, что никаких искренних мотивов для чествования Эмилией не отыскивается, – потому что, в конце концов, ты наша единственная родная бабушка.

– Надеюсь, тебе не нужно напоминать, что праздничный стол должен соответствовать поводу? – Раздался шорох и далекий голос Эмилии, обращавшейся не к Марине: – Девочка, отключи аппарат, я закончила разговор.

Над подарками для Эмили долго не мудрствовали. Обнищавшей актрисе весьма пригодилось бы нижнее белье. Так ведь обидится трусам и панталонам. В доме всегда найдутся нетронутые вещи, которые выбросить жалко, а пользоваться ими не хочется. Марина отряхнула пыль с дамской сумочки, когда-то ей подаренной и совершенно не понравившейся. Лена на верхней полке шкафа раскопала пакет с будуарным гарнитуром – ночной рубашкой и халатиком. Один раз надевала, пять минут красовалась, Антон поморщился, сказал, что прикид отдает публичным домом. Лена взвилась: откуда ты знаешь, во что шлюхи наряжаются? Но гарнитурчик забросила в шкаф.

Две семьи ехали за город в прекрасном настроении, как на пикник. Впервые за лето вырвались на природу, будут жарить шашлыки, валяться на травке, гулять по лесу и предаваться иным удовольствиям на свежем воздухе. Они решили переночевать в деревне, как-нибудь разместятся, чтобы иметь два полноценных дня отдыха, а главное, чтобы Антон, который за рулем, мог выпить вина.

Опасения, что Эмилия затюкала бабу Катю и та потребует увезти капризную дачницу, не подтвердились. Баба Катя получила от Марины набор кухонных полотенец, а от Лены – войлочные тапочки. На эти вещи, пусть и не роскошные, в отличие от презентов для родной бабушки, потратились. Очень боялись, что баба Катя выгонит Эмилию.

Подставив щеку для поцелуев, выслушав поздравления, приняв подарки, Эмилия поджала губы и спросила:

– А где цветы?

– Вокруг, – нахально сказал Антон, разведя руками, тыкая в обильно цветущие палисадники.

– Грузовик с букетами сломался по дороге, – усмехнулся Андрей. – Какая тут благодать! – Сладко потянулся, подпрыгнул, стал в боксерскую стойку и принялся нападать на Антона.

Тот с готовностью включился в «бой».

У Марины мелькнула мысль: «Нехорошо, что мальчишки издеваются над бабушкой». Мысль мелькнула и пропала, потому что наблюдать за дурачащимися ребятами было сплошным удовольствием.

– Пацаны и есть пацаны, – улыбалась Лена, которая так же опьянела от деревенского воздуха.

Детей спать не укладывали, они подремали в машине, только покормили. Стол решили накрыть в саду, под яблонями. Баба Катя метала из погреба соленые огурцы и грибы. Накопала молодой картошечки, сорвала пупырчатые огурчики, зеленушку-петрушку. Предложила и самогону на зверобое, но гости предпочитали привезенное сухое вино и пиво.

Солнце светило ярко, но в тени деревьев гулял легкий ветерок, создавая нежную прохладу. Мужчины занялись шашлыками, нанизывали на шампуры мясо, перемежая его толстыми колечками лука, поддерживали огонь в мангале и вели свои футбольно-политические разговоры. Женщины сновали от кухни к столу, который накрывали. Стол получался роскошным. Лилась из приемника музыка, пения птиц не слышалось, но было так хорошо, что казалось, и птицы заливаются. Все были пьяны не столько от вина, сколько от чистого воздуха и мыслей: «Никуда спешить не надо, ничего решать не требуется. Остановка, отдых, благодать».

Про детей забыли. Точнее – переложили ответственность. Семь няnek – каждый рассчитывает, что другой присмотрит. Ведь секунду, минуту назад сестричка с братиком играли на пледе, расстеленном в тени дома, спорили, делили игрушки...

– Вроде кричит кто-то? – прислушался Андрей, нажал на кнопку и выключил приемник.

– А-ааа-аа-ааа...

Не крик о помощи, а протяжный, оперный раскат. Голос хотя и со старческими обертонами, но мощный, классически поставленный и... тревожный.

Пауза, а потом снова:

– А-аа-ааа-аа...

Будто оперную певицу прищемило смертельно и тянет она свои последние ноты. Поет и не сдаётся. Оперная певица у них имелась, но не о ней вспомнили.

– Где дети?! – воскликнула Марина, оглядываясь.

– Ой, мамочка! – перепугалась Лена.

На плече валялись игрушки, детей не было.

Вчетвером они рванули на голос, напролом, через колючие кусты, не помня себя от страха.

Рядом с бабой Катей три года назад купил землю какой-то богач. Вырыл котлован глубиной пять метров и сгинул, больше не показывался. В тюрьму, наверное, посадили. Края ямы осыпались, вода стояла круглый год, превратив котлован в болото.

Там и нашли Эмилию с правнуками. Стоя по грудь в воде, Эмилия держала под мышками детей. Задрав голову, выводила рулады. И бабушка, и корчащиеся, бултыхающиеся дети были покрыты коричневой глиняной жижей, точно дикие существа, вынырнувшие из преисподней.

Мужчины с ходу прыгнули вниз. Но, забрав у бабушки детей, не могли выбраться наружу – склоны котлована были скользкими, не зацепиться. Пришлось Марине и Лене бегать за веревками, за лестницей – эта суматоха немного ослабила шок, который едва не кончился у обеих матерей разрывом сердца.

Но и потом их долго била дрожь, не могли унять плач-вой, оторвать от себя детей. Купали малышей бестолково, руки не слушались. Мужья помогали, но суетились чрезмерно, мешали. Всех не отпускал въедливый ужас: твой ребенок находился на волосок от смерти, мог погибнуть, захлебнуться в болоте, когда ты потягивал вино и перебрасывался шутками.

И только Эмилия сохраняла олимпийское спокойствие. От сыпавшихся на нее благодарностей, заверений в любви, почтении, от обещаний все, что угодно, сделать, отмахнулась:

– Не говорите глупостей!

Выглядела Эмилия кошмарно. На лице разводы косметики, череп облепили мокрые жидкие волосики, сдувшийся шиньон съехал набок. По случаю праздника она надела расшитое блестками платье, которое теперь походило на чешую рыбы, вынутой из глиняной болтушки. Но для внуков внешний вид Эмили только подтверждал ее геройский поступок, они смотрели на бабушку с благоговением, как на спасительницу. Она и была спасительницей – уберегла от смерти самое дорогое.

Поняв, что единственное место для мытья у колодца будет долго занято: и внуки, и правнуки перепачкались изрядно, Эмилия посмотрела на бабу Катю и велела:

– Идем в баню. Вы поможете мне привести себя в порядок. Молодые люди, принесите воды.

Развернулась и пошла по тропинке к бане. Она двигалась медленно и неровно, чуть покачиваясь от усталости, слегка разведя руки в стороны, для сохранения равновесия. Грязная, с нетвердой походкой, но с ровной спиной и гордо поднятой головой, Эмилия умудрялась сохранять грациозную царскую поступь. Королева побывала в луже, но осталась королевой.

Через некоторое время баба Катя пришла с жалобами:

– Одёжу, говорит, неси, плаття бархатно. Где его искать? В ее чемоданах рыскать? И на голову этот... тюрбун. Еще намазаться хочет. Сидит голая и командует. Я всегда со всей душой, понимаю, что женщина заслуженная и с претензиями...

– Момент, устроим, – подхватился Антон.

Он сбегал к машине. Постельное белье привезли с собой. Антон вытащил из сумки большую махровую простыню.

Когда он вошел в баню и увидел в тусклом свете Эмилию, у него защемило сердце. Она, свернувшись на лавке, подтянув к подбородку коленки и обхватив их руками, дрожала от холода. Как старенький худенький воробушек, потерявший оперение. Хотела возмутиться приходу Антона, но зубы только дробь выбили.

– Сейчас, сейчас. – Он накрыл спину бабушки простыней. И заговорил с интонациями жены Лены, сюсюкающей с маленьким сыном: – Давай, миленькая, ножки-ручки распрями, я тебя заверну хорошенько, чтобы согрелась. Очень замерзла? Ничего, мы на солнышко выйдем, солнышко теплое.

Эмилия никак не реагировала на ласковые слова внука. Не сразу, но поддалась – дала себя укутать. Антон едва не застонал от жалости, мельком увидев между ног лысый лобок, как у маленькой девочки, как у племянницы, Маринкиной дочки. Стиснул зубы, чтобы совсем уж не раскваситься при виде пустых отвисших грудей, заворачивал в простыню тонкие косточки, легко прощупываемые за дряблыми складками кожи.

Лена и Марина с детьми, Андрей – все ждали у бани. Антон вышел с Эмилией на руках. Лицо его имело выражение необычайное, вдохновенное, прежде не возникавшее. Точно Антон сделал великое открытие, причем открытие не научное, не внешнее, а в самом себе обнаружил нечто прекрасное.

Андрей остро позавидовал, с досадой подумал о том, что первым не догадался броситься к Эмили. Вспомнил, что тоже носил Эмилию на руках, когда, притворно умирая, та хотела покурить.

Бросив взгляд на родственников, поняв их настроение, Эмилия не попыталась воспользоваться моментом всеобщего благоговения, только фыркнула. Ее нисколько не тешила вдруг вспыхнувшая любовь. Пылкие чувства внуков трогали не более, чем их прежние сарказм и раздражение. На торопливые слова благодарности и вопросы-предложения помощи она закрыла глаза, помотала головой, как на бредни слабоумных.

Только Антон слышал бормотание бабушки, к эскорту не доносился слабый голос Эмили:

– Кто вас воспитывал? Не объяснили, что женщину, которая пребывает в ненадлежащем виде, следует оставить в покое...

– Бабуля! Эмиличка, – впервые назвал ее Антон по имени, – не бери в голову! Нас воспитывали твои родные дети. Воспитали правильно. Жизнь – не сцена. Герои только в кино все из себя прекрасные. А настоящий подвиг, как твой, в грязи, с матом и проклятиями. Пардон, матом ты не ругалась.

Эмилия умерла так же картинно, как жила.

Сидели за именинным столом, страх отпустил, дети на коленях у родителей. Эмилия в бархатном платье, с тюрбаном на голове. В мягкой тени листы свежий макияж не уродовал Эмилию, а молодил. Бабушка была непривычно тиха, не болтлива, задумчива. Как всегда грациозна, но теперь – истинно, без пародии. Гости во здравие Эмили произносились легко, от сердца. Даже баба Катя внесла лепту, сказала, что «Эмиля» иногда поет по утрам – чисто соловей, и мужикам тоже радость нужна, не всё вкалывать да пьянствовать. Про мужиков не поняли, оказалось, что речь идет о поклонниках – любимых воспоминаниях Эмили.

Ей предоставили слово.

– Скажите, за что выпьем? – спросил Андрей.

Жена Марина его поправила, сформулировав вопрос культурнее:

– Эмилия! Мы хотели бы услышать твои сокровенные желания.

Бабушка подняла граненый стакан (другой посуды у бабы Кати не имелось) с изяществом, словно изысканный хрустальный фужер. Выдержала паузу: посмотрела сквозь вино на свет, повернула голову, как бы желая увидеть далекое, за горизонт заглянуть, вернулась к присутствующим, оглядела их по очереди, слабо улыбнулась, подарив им одобрение – хорошие дети.

Набрала воздух и сказала:

– Я хочу посвятить тост способности людей...

Замолкла, откинулась назад, прикрыла глаза, сначала нахмурилась, а потом улыбнулась... Секунду, вторую, третью... десять, двадцать прошло, а Эмилия не продолжала тоста. Застыла со слабой улыбкой. Театральные паузы бабушка любила, все знали. Но в немых сценах должна быть мера.

– Эмиличка, ку-ку! – позвал Антон. – Мы здесь, мы ждем про способность людей.

Марина сидела рядом с бабушкой, прикоснулась к ней рукой. Сначала легонько погладила:

– Ты не уснула? – Потом захватила плечо и потрясла: – Эмилия! Что с тобой?

У Марины было ощущение, что тормошит не живого человека, а скульптуру, еще мягкую, только что законченную художником. Фигура из незастывшего гипса. Марина вскрикнула, и все мгновенно поняли, что бабушка умерла. Картинно и красиво: с вином в руке, в бархатном платье, с уместным макияжем, маскирующим старость и смерть, с тюрбаном на голове, скрывавшим редкие седые волосы. И камни в серьгах и перстнях казались настоящими, драгоценными. Эта навеки уснувшая женщина не могла носить подделок.

В момент смерти Эмилия не фальшивила, точно давно репетировала. Хотя никому не дано срежиссировать свою кончину, как ни старайся. Но Эмилия осталась бы довольной и тем, как выглядела, и тем, как искренне выражала горечь потери публики.

Хлопот с перевозкой тела, моргом, оформлением бумаг – никаких документов, начиная с паспорта и кончая свидетельством о рождении, в сумочке Эмили не обнаружилось – было много. Но у внуков похоронные заботы не вызывали досады, и неблагородное чувство избавления от лишней родственницы отсутствовало. Хотя наверняка, умри Эмилия месяцем раньше, все только бы вздохнули с облегчением.

Вчетвером они стояли у гроба: ни поклонников, ни друзей бабушки – не нашлось даже записной книжки, чтобы позвонить ее приятельницам, пригласить на похороны. Марина и Лена плакали, Андрей и Антон хмурились, когда под траурную музыку гроб уплыл в печь, в небытие.

Поминки в квартире Лены и Антона были грустными. Какими еще могут быть поминки? Как ни странно, обычно в поминальном застолье нет безудержного плача и безысходной тоски. Эти муки в одиночестве терзают. А на поминках вспоминают добрые поступки умершего, рассказывают о нем истории, чаще – смешные. И вот уже вдова улыбается, родные смеются, друзья наперебой спешат рассказать случай, сто раз прежде повторенный на днях рождения, но все равно забавный. Поминки – тот же день рождения, только без именинника. О нем – светлая память. Так и тосты заканчиваются – «Светлая память!»

Внуки о бабушке ничего не знали. Теоретически Эмилия прожила больше восьмидесяти, конечно, бурно и ярко, однако им неизвестно. Не вспоминать же ее выкрутасы, когда доводила до белого каления. А единственным героическим поступком – спасением правнуков – восхитились десять раз. Примешивались и подленькие мысли: не свались нам на головы бабуля, мы не оказались бы в деревне, где роют ямы, в которых тонут дети. И как ни

была велика их нынешняя благодарность, присутствовало сознание, что, проживи Эмилия в их домах еще месяц-другой, начались бы старые проблемы.

– Мрак! – покачал головой Андрей. – Глупость, идиотизм! Не выпивать же за то, что избавила нас от себя?

– Земля пухом Эмилии! – перебила Лена. – Не чокайтесь, мальчики.

– Все-таки бабушка была удивительной женщиной! – искала Марина правильные слова. – Необычной, неординарной, ее мало кто понимал... никто не понимал, даже родные дети...

Попытка сказать хорошие слова не увенчалась успехом. На помощь пришла Лена:

– Выпьем за упокой души Эмилии. Господи, даже не знаем, как ее зовут по паспорту. Ну, да упокой, Господи! Мальчики, сколько раз повторять? Не чокаясь! Хотя одну волю ее да исполнили. Она мне, когда кого-то важного по телевизору хоронили, сказала четко: «Меня хоронить безо всяких поповских представлений! Отпевание не заказывать, в церковь гроб не таскать! Не выношу театральные штампы!»

– Мы и не отпевали, – ухмыльнулся Антон. – Денег сэкономили. Ребята, я никогда не забуду... Как вошел в баню... она скрючилась... обычно такая... – Антон покрутил руками в воздухе, – идиотского вида, а тут... ошипанный птенец, жалкая, худенькая, маленькая. Как пронзило: моя бабушка, кровная... Сына уберегла... Ленка, говори! За что пьем?

– Пусть земля ей будет пухом! – быстро нашлась Лена.

– Наверное, правильнее сказать, – закапали у Марины слезы раскаяния, – что я бабушку возненавидела. Вы знаете, я ничего не забываю: ни плохого, ни хорошего. Андрею поэтому трудно со мной...

– Мариша! – перебила Лена. – Мы не на твоём дне рождения, а на бабушкиных поминках.

– Да, конечно, извините. Но мне так горько! Бабушка спасла мою дочь, а я, бывало, просыпалась утром с мыслью: хорошо бы она умерла ночью. Сейчас войду на кухню, а она – уже холодная. Два-три дня хлопот с похоронами – и нет больше Эмилии. Андрей, как прежде, станет опорой, а не злым брюзгой...

– Ну, виноват! – со стоном перебил Андрей жену. – Она была уникалом. А кому нужны неординарные личности в быту? Никому. Хотя у этой чертовки... не хмурься, Мариша, да – я выпил. И все-таки чертовка! И жизнь у нее была, голову даю, – фейерверк. Чертовка!

– Моя бабка родная, – хмельно возгордился Антон. – Без вопросов. Я всегда чувствовал, что между нами общее... общее...

– Пристрастие к хорошему коньяку, – вставила Лена.

Марина тоже почувствовала, что мужчин заносит в область выдуманной реальности – верный признак опьянения, из которого может выдернуть только неожиданный поворот мысли.

– Ребята! А ведь Эмилия нам наследство оставила! – воскликнула Марина.

– Точно, шкатулка! – поддержала Лена, которую волновала не столько степень опьянения мужа (находился у себя дома), сколько надежда на щедрое наследство.

К их чести надо сказать, что про шкатулку и обещания бабушки сделать их богатыми до этого момента не вспоминали.

– Где шкатулка? – спросил Андрей.

– Ты меня спрашиваешь? – возмутился Антон. – Ленка, Маринка, где бабулина шкатулка?

Все переглянулись и покачали головам: никто не брал. Когда увозили тело бабушки, только ее сумочку захватили. В гробу лежала в последнем наряде – бархатное платье и тюрбан на голове.

Решили ехать за наследством в следующее воскресенье.

– Вот славно-то! – обрадовалась баба Катя, когда они подкатили к ее дому. – Сегодня девять дней. Боялась, что забудете.

Они забыли, просто выходной совпал с девятинами. Хорошо, что немного продуктов захватили, но спиртного не брали. Андрей и Антон вызвались поправить бабе Кате перекосившийся забор, пока варилась картошка и женщины накрывали на стол. С детей не спустили глаз, покормив, уложили спать.

– А вино-то? – спросила баба Катя, когда все уселись за стол.

– Мы за рулем, – ответил Андрей.

– Не по-христиански, помянуть надо, – возразила старушка.

Принесла свой самогон и не допитые в прошлый приезд бутылки, по-хозяйски закупоренные бумажными пробками. Разлили, сказали ритуальные слова, выпили не чокаясь. Более не наливали, к удивлению бабы Кати. Внуки Эмилии налегали на еду, жевали хмуро и молча. Будто не на поминки приехали, а с голодного края вырвались.

Для бабы Кати никто не хотел изображать горюющих родственников. Сказать от сердца было нечего, все, что могли из себя выдать, после похорон озвучили. И вести посторонние разговоры неуместно. Поэтому молчали и ели.

Марина, поняв по ерзанью бабы Кати, что та нервничает, сказала:

– Мы очень любили бабушку... полюбили... Нам очень жаль, что она умерла. Мы не находим слов, чтобы выразить свои чувства.

– Но хоть трижды помянуть, – попросила баба Катя, разливая самогон. – Земля пухом, голубушке! Царствие небесное!

После третьей рюмки баба Катя рассказала, как с покойницей вечерами по три рюмочки принимали. Эмилия говорила, что самогон на калгане – чистый коньяк. Приняв на грудь, Эмилия пела: сначала свое, нерусское, оперное, – красиво, но не трогает, потому что слов не разберешь. Потом, по просьбе бабы Кати, – народные песни. И особенно душевно у нее выходила песня, где слова: «Говорят, что я не очень скромная, но это знаю только я» и в другом куплете: «Говорят, что я жалею прошлого, а мне нисколечко не жаль». Сердце переворачивалось, как пела, точно про себя.

– Никогда даже в голову не пришло попросить ее спеть, – сказала Марина.

– Как и многое другое, – кивнул Антон, – например, рассказать о театральной карьере или о наших собственных родителях.

– Если бы меня, как Эмилию, третировали, а я первая третировала, – уточнила Лена, – я бы такую войну развязала! Никому мало не показалось бы. А она сражалась тихо, не сдавалась.

– У заплеванного мусоропровода курила, – вспомнил Андрей.

– Деньги от нее прятали, чтобы в парикмахерскую не ходила, – втянула носом воздух Марина.

– За каплю духов или сто грамм детского творожка, – качала головой Лена, – воровкой обзывали.

– Куском хлеба попрекали, – скривился Антон.

– Жлобы! – сказал Андрей. – Мы себя вели как последние жлобы.

– Детки, я чёй-то не понимаю, – баба Катя переводила взгляд с одного гостя на другого, – вы про покойницу плохо говорите? Грех!

– Нет, успокойтесь, – ответила Лена. – Это мы себя казним, что при жизни мало внимания бабушке оказывали.

– Так это всегда, – облегченно улыбнулась баба Катя. – Живет человек, живет, а умер – за голову хватаешься: мало истинно верных прекрасных слов ему говорил. Я вот мужа

любила само... *самоабвенно*, но пилила его каждый день, чего-то требовала, все он в должниках по хозяйству. И тогда, дура, казалось: недовольной ходить, шпынять мужика – правильно, так все бабы поступают, муж всегда в чем-то да недостаточным должен быть. А как умер мой Ваня внезапно, тут меня до потрохов дрожью забило: не услышал мой соколик при жизни ласковых слов заслуженных. У меня-то этих слов – аж распирает! Кому теперь нужны? Подавись ими, лахудра драная, то есть я сама. Ой, лихо мне было! В церкви по пять часов на коленях стояла, не помогало. Нет отпущения. Я у дочки в райцентре жила, в храм, как на работу, ходила. Мы тогда еще хозяйство держали – корова, поросята, куры, да и огород внимания требуют, картошки десять соток сажали. И все я забыла, бросила. Днем в церкви, ночью в слезах. Вы понимать должны: чтоб сельская баба отмахнулась от хозяйства, забросила скотину, корову недоеной оставила, нужны...

– Обстоятельства непреодолимой силы, – подсказал Андрей.

– Переживания сильнейшие, – проще сказала Марина.

– Да, – кивнула баба Катя, – от переживаний чуть не тронулось умом.

– А как прошло? – спросила Лена.

– Момента не помню. Чтобы сказать: во время молитвы откровение пришло или наутро, или после разговоров с бабушкой – он у нас молодой и сосланный...

– То есть? – не понял Андрей.

– Карьеру в Москве хотел делать, а тут подсадили его, приход дали, вроде как в ссылку.

Народ-то знает, от людей не утаишь. Казенный бабушка, без сердечности. И вот, значит... На чем остановилась-то?

– Как откровение пришло, – напомнила Лена.

– Медленно наплыло, не враз. Может, Ваня с того света подсказал. Мол, встретимся с тобой, не миновать, а ты, пока на земле пребываешь, добром живи. Худой ли, злой ли человек встретится, а ты с ним по-доброму, потому что у каждого, и у бандита последнего, хоть крупинка совести да имеется.

– Достоевский отдыхает, – тихо сказала мужу Марина.

– Вместе со Львом Толстым, – так же шепотом ответил Андрей.

– Дети мои, – продолжала баба Катя, – сыночек и дочь у меня, трое внуков, скоро приедут, сейчас за границей в пионер... не, просто в детских лагерях. Хорошо-то жить стали! Вот дети говорят: «Ты, мама, сильно после папиной смерти переменялась». Сама знаю, так ведь в лучшую сторону. И стало мне привольнее душой. Раньше мучалась: невестка, сынова жена, как впопыхах деланная, руки-крюки, пуговицы пришить не умеет; зять, дочкин муж, только болтать, хвастать, да водку жрать. А теперь какими есть принимаю, без осуждений. Чего ковыряться-то? Переделать не переделаешь, вот и живи с тем хорошим, что в человеке имеется. Он твоих внуков родитель и воспитатель. И Эмилия ваша. Поначалу гонором давила, то ей не так, это не этак. А я на все положительно согласная. Оттаяла ваша бабуля. Днем гуляла... ой, смех! Солнечные ванны принимала. Какие ж у солнца ванны? А вечером мы с ней по три рюмочки...

И баба Катя снова рассказала, как выпивали, как пела Эмилия. Бабу Катю не перебивали, дослушали второй раз. Ее исповедь и воспоминания об Эмилии поначалу не задавившимся поминкам придали нужную атмосферу.

– Вы не будете возражать, – спросила Марина, – если мы разберем бабушкины вещи? Бабе Кате вместо «разберем» послышалось «заберем».

– Увозите, конечно. Да только поместится ли в вашу машину? Почитай целая комната вещей-то. Или в несколько заходов отвозить будете? У меня в этой комнате внуки на каникулах живут. Голову ломала, как Эмилию попросить к приезду внуков освободить помещение, перенести чемоданы да коробки в сарай хотела. Не пришлось просить.

Марина и Лена переглянулись. Они не собирались тащить в Москву Эмилины коробки и баулы. Главным было найти шкатулку. Хотя и покопаться в бабушкиных чемоданах было по-женски любопытно. Мужчинам – совершенно неинтересно, даже противно. Им доходчиво объяснили: вчетвером быстро управимся, не до ночи же здесь сидеть, найдем шкатулку – и вы свободны.

Это были наряды: платья, юбки, жакеты, блузки – шесть чемоданов старой одежды. Андрей брезгливо, двумя пальцами брал очередную тряпку и бросал на пол. Антон содержимое чемоданов захватывал пятерней и отправлял туда же – в растущую грудку старого барахла. Марина и Лена продвигались значительно медленнее – рассматривали каждую вещь. Платье крепдешинное, миленькое, но под мышками проедено потом, дырки. Коричневый габардиновый костюм – отлично сшитый, но в рыжих застарелых пятнах. Туфли черные лакированные, каблуки наискось сбиты, лак потрескался. Белые босоножки, когда-то изумительные, наверное, ручной работы. Но теперь подошва серпом выгнулась. Эмилия не потрудилась выстирать гардероб прежде, чем положить на хранение. Наряды еще не истлели, но вид потеряли, обувь скукожилась, точно воды хотела, а ее не поили. И Марина, и Лена не оставляли мысли найти в бабушкином приданом какой-нибудь наряд, годный (после дезинфекции, конечно) для модного ныне стиля «винтаж». Но никакая обработка не могла вернуть жизнь бабушкиным нарядам. Шерстяные вещи, проеденные молью, рассыпались в руках. Марина раскрыла коробку, в которой хранились шубы и драповые пальто с меховыми воротниками, – моль до сих пор там хозяйничала, копошились беленькие червячки.

– Ой, гадость! – отпрянула Марина. – Антон, вынеси эту мерзость на улицу! Я Эмилиии говорила: из-за вашего барахла у меня моль летает, а она...

– Заткнись! – велел Антон жене, которая, забыв о бабушкином подвиге, вернулась к старым претензиям.

Он поволол коробку на улицу. Лена в спину его напутствовала:

– Внизу пощупай, вдруг она в мольное царство шкатулку закопала.

– Или под деревом на участке зарыла? – предположил Андрей, которого уже мутило от запаха тлена. – Схожу бабу Катю спрошу, не закапывала ли Эмилия клад.

Мужчины дезертировали, женщины продолжили поиски. Гардероб Эмилиии, навеки утраченный, представлял собой историю моды. В одном чемодане – послевоенные, с подбитыми ватой наплечниками жакеты и платья, явно привезенные из Германии. Пятидесятые годы – пышные юбки, узкие в талии лифы. Короткий период шестидесятых, когда в моду вошел силуэт а-ля Наташа Ростова, – кокетка над грудью, завышенная свободная юбка, как в платье для беременных...

– Немыслимо, – поражалась Марина, – столько вещей! Мне мама рассказывала, что после войны люди в землянках жили, носили вещи до последнего, до дыр, потому что на новые денег не было, да и негде купить. Студенты в институт ходили в калошах, веревкой к ступням привязанным, девушки по очереди на свидание бегали, одно платье на пятерых.

– А моя бабушка, – вспомнила Лена, – портнихой была, всю родню кормила. Достанут ситца у спекулянтов и перед раскройкой намочат материал, за края берутся и тянут, дергают, чтобы лишних десять сантиметров выгадать.

– И вот вопрос: откуда у Эмили столько нарядов? В стране был десяток публичных женщин, вроде Любви Орловой, которые одевались с иголки, с экрана маскировали всеобщую убогость.

– Любовь Орлова публичная? – поразила Лена. – Типа прости...

– Ты не поняла. Я имела в виду женщин, главным образом артисток, законодательниц моды, которые демонстрировали себя публике как эталон, совершенно недостижимый для подавляющего большинства. И обитали дамы высшего света исключительно в столице. А наша бабуля – всю жизнь в провинции.

– Сгущаешь, – не согласилась Лена, чихая и вытаскивая на свет очередную вещь, то ли кофту, то ли кардиган, от дыр ажурную. – Мне бабушка рассказывала, как хорошие портнихи ценились. Больше, чем теперь специалисты по финансам. И маму, теток – своих дочерей – бабуля одевала как куколок. Главным было материал достать, золотые руки имелись. У Эмилии, заметь, только послевоенное с бирками, наши из оккупированной Германии везли. А далее – все самошток.

– Что?

– Самошток – сам строчу.

– Но все исключительно технологично сделано.

– Я тебе про золотые руки толкую. Теперь таких портних – днем с огнем, их годами надо учить-выращивать. Кутюрье на них молятся. А на фабриках сидят чукчи, в смысле разные национальности, значения не имеет: китайки, русские или башкирки на конвейере – знай себе на педаль электрической швейной машинки давят, тупо один и тот же шов изо дня в день строчат.

Лет двадцать назад, судя по более свежим нарядам, моды на которые Лена и Марина помнили по фотографиям собственных матерей, бабушка принялась молодиться, ударилась в розовые, бежевые и других светлых оттенков платья и костюмы с обилием рюшей и оборок. Донашивала эти вещи до последних дней.

– Можно было сделать вывод, – сказала Лена, – что проблемы с головой у бабушки начались давно.

– Верно, – согласилась Марина. – На смену аристократическому, строгому английскому стилю пришло увлечение нарядами в духе утренников в детском саду. Бедная бабушка!

– Цеплялась за уходящую молодость, – чихнула Лена. – Все, началось, – чих-чих. – У меня аллергия на пыль. Но, знаешь, в шестьдесят или семьдесят испугаться, что стареешь, – чих, – это не в тридцать по косметическим хирургам бегать. Так что Эмилия долго марку держала, розовые рюши у нее одновременно с маразмом приключились, – чих-чих.

– Может, тебе уйти, я сама закончу? – предложила Марина. – Или мальчиков на помощь призвать?

– Еще пять коробок осталось, – благородно отказалась Лена. – Мальчики в этом деле не помощники, сломались на шубах. Одна ты провозишься до утра. И мне самой интересно. Пойду в нос закапаю и таблетку выпью, детей проверю, а ты окно открой, пусть хоть проветрится.

– Нашли? – спросил Антон жену.

– Пока нет, – прогундосила Лена, доставая капли. – Остались коробки.

Запрокинув назад голову (что делать было необязательно – лекарство в виде спрея, но так выглядело эффектнее), Лена пшикнула в каждую ноздрю, помотала головой. Вытащила блистер с таблетками, одну выдавила.

– Воды дай! – потребовала.

– Аллергия началась? – подхватился Антон и налил в стакан воды. – Бросьте ковыряться в этом старье. Чего вы каждую тряпку на свет просматриваете? Мы сейчас с Андрюхой в два счета раскурочим коробки, найдем шкатулку.

Андрея подобная перспектива не радовала, да и Лена не желала пропустить археологические удачи.

– Скоро дети встанут, – сказал Андрей. – Мы присмотрим, – он посмотрел на часы, – третий час малышня дрыхнет. Вот что значит чистый воздух.

– Именно! – шумно, булькаяще втянула воздух Лена. – Не автомобили надо покупать, – упрекнула мужа, – а про дачу думать.

И тут же уловила осуждающий взгляд бабы Кати: «Не кусай мужа! После его смерти каждый упрек оплачешь».

«Свят-свят! – подумала Лена. – Моему Антону жить и жить. У нас пока дети не все родились, а еще внуков и правнуков на ноги ставить».

Антон, в свою очередь, подумал, что из них четверых более всего похожа на бабулю Ленка, хотя по крови не родная. Но тот же напор, та же воля к победе на каждом участке и в каждую минуту.

Словно подслушав его мысли, Андрей ухмыльнулся:

– Ленка, ты Эмилия номер два, только без оперной карьеры.

– И без вагона нарядов! – с готовностью откликнулась Лена. – Мне супруг такого гардеробчика не обеспечил. Да ладно, баба Катя, не смотрите на меня с осуждением. Я своего Антошкина не променяю на десяток олигархов.

– Ты про что? – напрягся Антон.

– Про куриное пшено, – вспомнила детскую присказку Лена.

Она торопилась уйти. Несмотря на аллергию, приглушенную лекарствами, Лена испытывала истинно женский азарт – Марина там разбирает вещи, а она отсутствует. Сей азарт был не только не понятен мужчинам, но вызывал у них брезгливое недоумение. Они думали, что жены героический подвиг совершают, вяло предлагали помощь и не догадывались, что Марину и Лену впервые в жизни захватила музейно-историческая страсть к раскопкам бытовых древностей.

– Дети встанут, – уходя, велела Лена, – глаз да глаз!

– Не волнуйтесь! – заверил Андрей.

– Она еще напоминает! – хмыкнул Антон, который на самом деле испытывал потрясение от сходства бабушки Эмилии и жены. Считал, что знает супругу вдоль и поперек, а тут Ленка в новом варианте.

– Блинчиков детям на полдник испеку, – поднялась и баба Катя. – К блинам меду, сметаны? Или свежих ягод, черная и красная смородина созрели, подавить с сахаром?

Лена не успела ответить.

– Мне с медом, – попросил Антон.

– А мне с ягодами, – сказал Андрей.

– Детям только со сметаной или с топленным маслом, – распорядилась Лена. – У них диатез на все, кроме продуктов от коровы, то есть молочных. А чистая химия проходит на «ура». Городские дети, венец цивилизации. Скоро из тюбиков будем их кормить. Ладно, я пошла, кажется, нос пробило.

В одной из коробок были плотно утрамбованы дамские сумочки. Много – штук тридцать. Сохранились лучше обуви, некоторые модели чудные и по форме, и по фурнитуре – замкам-защелочкам, окантовочкам. А все-таки с такими не выйдешь на улицу: от сумок несет затхлостью и случайной находкой в прямом и переносном смысле: пахнут отвратно и безошибочно наводят на мысль, что их обнаружили на чердаке, в подвале, в старом сундуке. Так, собственно, и было.

Удержаться от того, чтобы не проверить нутро сумок, было невозможно, щелками замками, открывали молнии. Ничего интересного не обнаруживалось: смятая коробка папирос, оторванный билет в кино, посеревший носовой платок, смешной бумажный рубль, медные монетки, поржавевшие невидимки и шпильки, тюбик помады и прочая ерунда, которую всякая женщина оставляет в сумочке, идущей на помойку. Только Эмилия ридикюльчики не выбрасывала, а зачем-то хранила.

Гора сумок уже соседствовала с холмом тряпок и грудой обуви. Марина оглянулась: некуда ступить.

– Лен, может, все это богатство какому-нибудь этнографическому музею предложить или театральным костюмерам?

– Как ты себе это представляешь? – спросила Лена, которая из последней сумки вытаскивала какие-то бумажки, разворачивала и читала. – Переться в Москву с Эмилиным приданым, потом развозить его по театрам? У тебя есть на это время? Ой, Маринка! Грузовик с цветами был. Миллион алых роз. Только послушай! Вот записка. Наверняка поклонник писал, который директор фабрики. *«Незабвенная Эмилия! Примите мой скромный букет. Машина роз, в сравнении с грудой зелени, которой осыпал вас солдафон ...»*, – это про генерала армии, наверное, – оторвалась от чтения Лена. – Ну, дают старики!

– Дальше-то что?

– *«Машина роз... тра-та-та, – покажет глубину моих чувств. Последний привет и последнее выражение моей неземной страсти, за которую буду благодарить вас вечно. Завтра меня арестуют, назовут вором в особо крупных размерах, потом посадят. Дальнейшая жизнь – только мрак и умирание. Наказание справедливо по советским законам, при которых выпало несчастье жить»*. С новой строчки: *«Эмилия! Прощайте и помните о человеке, который ради вас совершил бы любое преступление»*. Все. Ни фиги себе!

– Он долго воровал или однажды украл государственные деньги, чтобы машину цветов ей под ноги бросить?

– Ты меня спрашиваешь? – пожала плечами Лена. – Откуда я знаю? Хотя Эмилия говорила... Но все это казалось бреднями рехнувшейся старухи. Маринка! А ведь на самом деле было! Представляешь такие страсти-мордасти?

– Не представляю. Как в кино.

На несколько секунд Марина и Лена задумались, мысли у них были одинаковыми: ради меня никто безумств не совершал, на преступления не шел, грудой цветов меня не осыпал...

Когда первой заговорила Лена, Марина поняла ее без предисловий:

– Зато мы с тобой матери настоящие, и наши собственные мамы не финтифлюшки, да и свекрови... Первым делом – семья, а не тешить себя поклонниками, чтоб они сдохли... Маринка!

– Да, я понимаю. Завидно, хотя и не желаешь подобного успеха.

– Антон, твой братец, зараза, про день свадьбы никогда не помнит. Придет домой – я ему романтический ужин. Он по лбу себя бьет – забыл. На следующий день барскую корзину цветов дарит. Только это как штраф получается.

– Андрей полагает, что истинные чувства как духовные понятия не могут измеряться материальными аргументами, – грустно ухмыльнулась Марина. – Подаренные цветы, золотые украшения, даже коробки конфет опошляют его великое чувство.

– Может, он просто жадный?

– Нет, – помотала головой Марина, – не жадный. В магазинах требует, чтобы я выбирала самое дорогое платье, чтобы не гонялась за скидками, чтобы продукты покупала свежие, а не подвявшие уцененные. Поэтому я предпочитаю без мужа покупки делать, с ним – разоришься.

– На дни рождения Антон подарки мне приобретает в самый последний момент, по дороге домой, в переходе метро. Духи фальшивые или какую-нибудь китайскую дребедень, типа будильника, вмонтированного в живот пластикового поросенка.

– У Андрея другая крайность. Он за несколько месяцев обсуждает со мной подарок. Пытается, что мне нужно из по-настоящему ценного и важного, предлагает идти за подарком вместе или точно описать предмет. Потом двадцать раз позвонит из магазина с уточняющими вопросами: «Ты хочешь немецкий маникюрный набор или швейцарский?» А я хочу сюрприза. Чтобы удивиться и по-детски обрадоваться. Сказать ему стесняюсь. Да и не поймет.

– Вот и получается, – подвела итог Лена, – мужики у нас нормальные, сами мы не дуры, а чего-то не хватает. Того, что у Эмили было через край.

– У нее была очень высокая самооценка. А мужская галантность питается исключительно женскими капризами. Мы капризничать давно разучились.

– Это кто сказал?

– Это я сказала.

– А! Правильно. Я с сегодняшнего дня по-другому буду жить. Забудет Антон про день свадьбы – романтический ужин ему на башку вывалю. Купит на день рождения духи, якобы французские, – в унитаз их спущу. Тебе тоже хватит Андрея баловать.

– Как бы нам с такой политикой не оказаться у разбитого корыта.

– Хуже не будет, все равно лучше некуда.

Марина хлопала глазами, безуспешно пытаясь понять логику последних слов Лены.

Пыхтя, Лена выволокла на середину комнату предпоследнюю коробку. Сверху лежали две большие деревянные шкатулки, но заветной среди них не было. В шкатулках покоилась бижутерия: бусы, клипсы, кольцо, браслеты – пластиковые, мутные от времени, точно жирные, медные под золото, алюминиевые под серебро, с тусклыми пыльным камнями. В детстве Марина обожала играть с мамиными украшениями. До сих пор хранит их, пополняя запас собственными списанными бирюльками, – для дочери, предвкушая удовольствие, которое испытает малышка, когда придет интерес к «драгоценностям». Но из наследства Эмилии взять что-либо Марина не захотела. Даже продезинфицированные, эти вещи, как из могилы вытщенные, будут вызывать брезгливость.

– Вдруг, – ковыряясь в шкатулках, предположила Лена, – что-нибудь настоящее тут завалось?

– Сомнительно. Женщина, которая в подобных количествах покупала изделия самоварного золота, вряд ли обладала настоящим. Если и обладала, то наверняка рассталась с ценностями в трудные времена. А потом сублимировала на подделках, ведь любовь к украшениям осталась. Папа, помню, шутил, говорил маме: «Твоя родительница обвешивается таким количеством металла, что ей надо держаться подальше от магнитов». Я запомнила фразу, потому что не могла понять в ней сразу двух вещей: кто такая «родительница» и что магнит делает с металлами.

Под шкатулками лежали альбомы с фотографиями. Впервые за три часа раскопок Марина и Лена ахнули от восхищения. Они брали в руки старинные альбомы с обложками, как у музейных фолиантов, испытывали неожиданный трепет. Ну что альбом? У них самих фотоальбомов за недолгую жизнь накопилось немало. В простых глянцевых обложках, где, запаянные в пластик, красовались цветы и пейзажи. А тут! Сафьян, шелк, серебряное тиснение, ажурные застежки по краю. Открывались альбомы с треском-хрустом, будто вздыхали. Листы – толстенный картон – проложены папиросной бумагой, которая, в свою очередь переворачиваемая, тоненько шелестит, как жалуется.

– Стул и трон, – шепотом сказала Марина.

– Чего? – так же тихо переспросила Лена.

– Местом для сидения может быть и простой стул, и табурет. А можно восседать на троне.

– При чем тут цари-короли? Эмилины альбомы? – Лена с благоговением взяла в руки очередной.

– Образное сравнение. В прошлом веке к фотографиям относились как к произведению искусства. А мы теперь – как к фиксации момента во времени и пространстве.

– Про прошлый век – точно! Вы с Антошкой чисто из дворян. Я их позову.

Лена выскочила из комнаты, влетела на веранду, где полдничали, подкреплялись блинчиками мужчины и дети:

– Баба Катя, за детьми посмотрите? Антон! Ты хотел знать историю своего рода? Иди, любуйся. Там твои предки с царями на тронах вась-вась.

– Где? – подавился блином Антон.

Но жена не удосужила его ответом, еще раз спросила бабу Катю:

– Детей на вас оставим?

Баба Катя ответила совершенно не свойственным ей утверждением. Очевидно, сказались разговоры, которые вели при ней Андрей и Антон:

– Реально! – Испугалась слова, которое часто повторялось в диалоге Антона и Андрея и выскочило против ее воли. Поправилась понятно: – Посмотрю за маленькими. Блинчики доедят, на веранде с игрушками расположу.

– Правильно, – с ходу поняли друг друга баба Катя и Лена.

– На улицу не выпускайте, там их не поймаете. Чего расселись? – другим голосом спросила Лена мужчин, помня о новой политике. – Идите, припадайте к историческим корням.

Не поняв ни слова, Антон и Андрей потянулись за Леной.

В комнате возвышались холмики старого барахла, валялись раскрытые чемоданы и пустые коробки. Марина сидела на корточках у окна. При их появлении встала и протянула Андрею альбом:

– Только посмотри!

Он первым делом захлопнул альбом, смяв папиросную прокладку, жалобно хрустнувшую, посмотрел на обложку, присвистнул. Потом открыл на странице, которую держала пальцем жена, не отпуская альбом из своих рук.

– Видишь? – спросила Марина.

Среди изображений, под которыми стояли даты позапрошлого века, выглядевшие не как фото, а литографиями, произведениями художника, была одна – женщина в старинном платье, с тонкой талией и лицом очень похожая на Марину.

– Кто это? – спросил Андрей.

– Понятия не имею.

– Так мы из благородных, – перелистывая альбом, подсунутый женой, сказал Антон. – «Балгей» – прочитал он. – Мы из немцев или прибалтов?

– Это скорее название фотоателье, – заглянул ему через плечо Андрей. – Фамилия хозяйки Балгей и адрес: угол Караванной и Большой Итальянской, дома восемнадцать – тридцать семь, Санкт-Петербург. Под другими фото тоже отиски фотомастерских.

Какое-то время они молча листали альбомы.

Пожелтевшие снимки, особенно дореволюционные, были прекрасны. Мужские военные персонажи стояли, придерживая одной рукой саблю на боку, другой опираясь на высокую подставку, штатские сидели в резных креслах и по серьезной значимости облика тянули на министров. Женщины – как на подбор красавицы. Их портреты в овале, окруженном легкой дымкой, можно было рассматривать часами. На групповых семейных фото наряженные дети разных возрастов на коленях у родителей казались настолько спокойными, что не верилось, будто они способны носиться и шкодить, как обычные.

Потом пошли снимки белогвардейцев и красноармейцев и народа попроще – мужчин в ватниках, женщин в скромных юбках-блузках с косынками на головах. Появились фото не из ателье, а сделанные на улице, в каких-то учреждениях. Далее шли довоенные и послевоенные снимки. С трудом опознали Эмилию – худенькую брюнетку, снимавшуюся то с одним, то с другим военным.

– Кто из них ваш дедушка? – спросила Лена.

– Не знаю, – огрызнулся Антон.

Как и на Марину, фото действовали на него удручающе.

– У меня такое чувство, что я виновата перед всеми этими умершими людьми, – сказала Марина. – Они наши предки, а мы даже имен не знаем.

– Спасибо Эмилии! – злился Антон. – Сделала нас Иванами, родства не помнящими.

– Мы и не стремились помнить, – справедливо заметила Марина. – Про деда знаем только, что погиб на войне, твоему отцу было три года, а мама и вовсе родилась, когда он на фронт ушел. Вот, смотрите, Эмилия с детьми. Это, наверное, и есть наши родители.

«Которые также не стремились сохранить родовую память, – подумала Марина. – Даже своих детских фото у нее не попросили, не забрали».

– Мне только сейчас пришло в голову, – сказал Антон, – что я никогда не видел снимков отца в детстве. Его фотоархив начинался со студенчества, то есть когда он от бабули, от Эмилии уехал.

– Они хотели порвать с бабушкой и порвали, – кивнула Марина.

– Значит, заслужила, – нахмурился Антон.

Он испытывал досаду на отца, лишившего его благородных и знатных предков, отрезавшего ему семейные корни.

– Это как же надо с детьми обходиться, чтобы они родную мать вычеркнули? – Лена почувствовала настроение мужа и подсказывала ему мотив для оправдания поведения отца.

– Мы не должны осуждать наших родителей, – проглотила слезы Марина.

– Но и простить их нельзя, – поджал губы Антон. – Надо было *нам* дать шанс самим разобраться, хотим ли мы иметь предков или не хотим.

– У нас был шанс в виде Эмилии, – напомнил Андрей.

«У нас», – повторила мысленно Марина и простила мужу все надуманные обиды.

– А мы шпыняли старуху, – продолжал Андрей, – куском хлеба попрекали. Кому-нибудь пришло в голову попросить ее фотографии показать? Сами виноваты, и нечего на покойников вину перекладывать. Кажется, сейчас получите ответ на некоторые вопросы.

Пока Марина и Антон сокрушались над потерянной памятью поколений, Андрей открыл последнюю коробку. Там были письма. Стопки писем, перетянутых резинками для трусов. Узлы резинок были небрежными, с длинными облохматившимися концами. Только одна тонюсенькая стопочка крест-накрест перевязана красной атласной лентой, сверху бантик. Андрей, дернул за бантик. Всего два-три листка. Он молча их прочитал.

Вслух прокомментировал:

– Надо полагать, это письмо вашего деда с фронта. Слушайте. *«Дорогая Марусенька! У меня буквально минута, чтобы написать тебе, и никакой уверенности, что письмо дойдет. – Далее по-французски, – а ля гер комо а ля гер. На войне как на войне, – перевел Андрей, – все что могу сказать о нынешнем своем положении. Но даже трудности ля гер не могут заслонить от меня тревоги о тебе, родная. Ты создана, чтобы украшать мир, а не растить детей, терпеть лихолетье. Царить, а не выживать. Ты – уникальный цветок, женщина-праздник, родившаяся не в свое время. Соловушка! Я думал взять на себя пошлые бытовые... Все, зовут, нужно заканчивать. Прощай, любимая! Твой рыцарь Антон. Я не дослужил тебе, потому что иной долг...»* На этом обрывается. Письмо Эмилия, в прошлом Маруся, получила. А следом – похоронку. Вот – на бланке. Оказывается, похоронка на самом деле правильно называется «извещение». Смотрите.

Андрей передал ребятам небольшой пожелтевший типографский бланк, от руки заполненный фиолетовыми чернилами, нисколько не выцветшими. Марина, Антон, Лена брали похоронку, по очереди читали. Они не смогли бы описать чувство, которое вызывала эта официальная бумага, когда-то наверняка принесшая взрыв горя, да и теперь кровь стыла от сознания казенной бездушности военной машины: заранее напечатали бланки, потом вписали фамилии погибших – соблюли формальность.

Хотя проблеск торжественной скорби имелся и в этом документе. В верхнем левом углу стершийся штамп, можно прочитать только «...военный комиссариат». Посередине жирно: «**Извещение**». Ниже с новой строчки «Ваш» и длинный прочерк, под которым в скобках:

«муж, сын, брат, воинское звание». На этой строчке чернилами написано: *Муж, комдив*. Под следующей строчкой: «фамилия, имя, отчество», на строчке: *Ипатов Владимир Иванович*. Далее строчка «уроженец», под ней: «область, район, деревня и село», значилось: *город Москва*. С новой строчки с маленькой буквы текст: «в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество» – прочерк, под ним: «убит, ранен и умер от ран», над ним: *Убит в боях за Троицк. 20 июля 1941 года*. Последняя строка с прочерком: «похоронен», внизу в скобках: «место захоронения». Эта строка пустовала. Ниже с красной строки текст: «Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № 220-1941 г.). Смазанная печать и две подписи – военного комиссара и начальника штаба.

– Теперь вы знаете, – сказал Андрей, – что вашего деда звали Ипатовым Владимиром Ивановичем, что он родился в Москве и командовал дивизией.

– Видела ли мама эту похоронку? – задумчиво спросила Марина.

– А мой отец? – повторил вопрос Антон.

– Не думаю, – ответил Андрей. – Здесь еще одно письмо. Как я понимаю, писала Эмилия, она же Мария Ипатова. Адресовано погибшему мужу. Не удивляйтесь. Сейчас прочту, и вы все поймете. Только будьте готовы, что это... – Андрей запнулся, не находя слов. – Эмилия была все-таки не от мира сего.

– Да читай же! – поторопила Лена.

– Психологический отдыхает или, напротив, такая личность, как ваша бабушка, стала бы любимой пациенткой...

– Андрей! – перебила Марина, – Читай, не томи!

– Слушайте. *«Здравствуй, Владимир! Не Вока, не Заяц, а – Владимир! Потому что ты умер! Предал меня! Бросил!»* – после каждого предложения восклицательные знаки. – *«Как ты мог? Зачем обещал хранить меня вечно? Зачем не согласился остаться в штабе, ведь тебе предлагали?»* – теперь сплошные вопросительные знаки. И следы размытые, видно, плакала. – *«Я проклинаю тебя, как предателя. И детей твоих. Один, мальчик, вечно больной и в соплях. А девочка в моем животе, я знаю, это девочка, ворочается и бьется. Из-за нее поднялась диафрагма, и теперь мой голос звучит уробно. Зачем мне дети? Это ты уговорил меня. Уговорил и бессовестно бросил. Зачем эта война, зачем ты ушел на нее? Ты поставил какие-то пустые идеи выше моего счастья. Ты украл у меня счастье. Ненавижу тебя! Вырву из сердца навсегда, чтобы не истекло оно кровью. Забуду навсегда, и дети твои не будут знать имени твоего. И черты твои на их лицах будут вызывать у меня ненависть...»*

– О, ужас! – пробормотала Лена. – Она свихнулась от горя.

– Так и не развихнулась, – хрипло сказал Антон.

– Андрей, – спросила Марина, у которой дрожали губы, – это все?

– Нет, здесь пропуск, чернила немного отличаются. Видно, писала позже или на другой день. Ребята! Держите себя в руках. Это не для слаботерпимых. – *«Владимир! Ты гниешь в земле, или валяешься на поверхности непогребенный, изуродованный. Твое тело, на котором нет точки, которую я бы не целовала, рвут дикие волки. Твои глаза, которые лили слезы, глядя на меня, теперь выклевали птицы. Так тебе и надо, предатель! А я буду жить дальше! Порхать и царить, вот только разрешусь от бремени, от этой противной твоей дочки. Ты говорил, что таких, как я, – одна на миллион. Ошибаешься, я – единственная! Ваша политика, революции, войны, нищета, убогость, рабский труд – плебейская мерзость. Я лучше умру, чем надену серую рабоче-крестьянскую робу. Умереть! Вовка!»* – зачеркнуто, поверху: – *«Владимир! Мысли о спасительной смерти не оставляют меня с той минуты, как получила твою похоронку. Когда я прочитала это отвратительное казенное извещение, ругалась как сапожник, обзывала тебя последними словами. Няня сына смотрела на меня, как на умалишенную. О, как славно было бы сойти с ума! Равнодушно принимать и удары*

судьбы, и мелкие уколы. Но не надейся увидеть меня в роли городской сумасшедшей! Нет! Назло, назло, назло...» Семь раз, – пересчитал Андрей, – повторила «назло». – *Назло тебе я проживу блестящую жизнь. Я пожертвую всем, я не стану признавать никаких моральных запретов, я была принцессой и останусь первой из первых!»* Все, ребята, письмо окончено. Елки-моталки!

Они молчали несколько минут, не находя слов, чтобы прокомментировать послание, высказать свои чувства. Эмилия заслуживала осуждения, но ее было жаль. Хрупкая и железобетонная одновременно, она не поддавалась привычным меркам и оценкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.